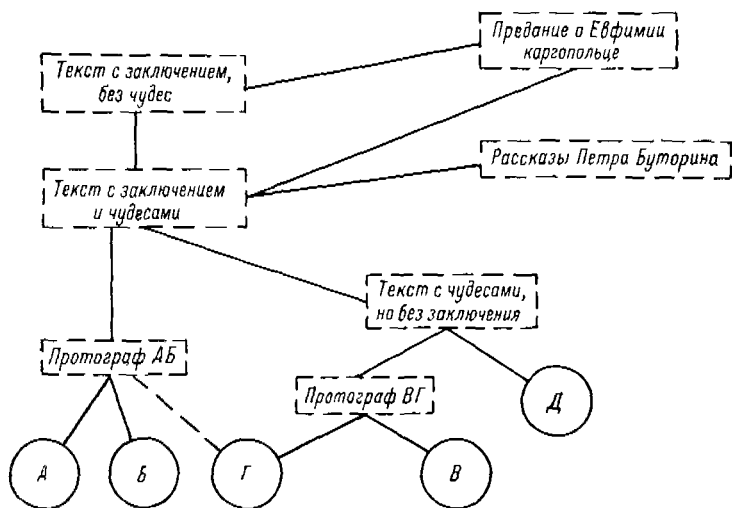

рассказ о третьем лице — Буторин повествует об исцелении воеводы Колы Гурия Вольщцова. Третье чудо — рассказ о каргопольских купцах. Здесь начало иное, и из него можно заключить, что повествование идет от лица каргопольца Евфимия, но потом такой характер рассказа сбивается и в чуде повествуется о происшедшем не от имени участника события, а то ли от лица автора Жития, то ли от какого-то третьего, не названного рассказчика. Сначала Евфимий «рече» — «идушим нам на лодии... и обыдоша лодью нашу отовсуду лду... и много нам трудившимся...», и после этого безо всякого перехода читаем: «Преждереченному же оному мужу Евфимию стоящу в корме...». Т. е. в основе рассказа лежал какой-то письменный или устный текст, переданный от лица Евфимия каргопольца, и сначала автор Жития начал излагать его как рассказ этого Евфимия, но потом стал пересказывать его. Четвертое чудо, рассказ о спасении двинянина Никифора, как и второе, начинается со слов «той же муж поведа нам». Очевидно, что фраза эта относится не к Евфимию, после рассказа о котором следует рассказ о Никифоре, а все к тому же Петру Буторину. Чудо о Евфимии, таким образом, как бы вставлено в рассказы Петра Буторина.

Такой характер взаимоотношения этих текстов дает основание считать, что, когда создавался первоначальный вид Жития, рассказов Петра Буторина еще не было, но предание о Евфимии каргопольце уже существовало. Предание это было кратко пересказано в виде заключения к рассказу о жизни святого. В 60-х годах XVII в. какой-то керетчанин Петр Буторин был заинтересован в прославлении Варлаама, в том, чтобы связать свое имя с этим местно чтимым святым. Видимо, по его заказу была составлена новая редакция Жития, повторившая старый текст с добавлением раздела чудес, где в первом чуде фигурировал уже сам Петр Буторин, а остальные чудеса передавались как его рассказы. В число этих чудес был включен и ранее существовавший рассказ о Евфимии каргопольце, но уже не как первое чудо, а в ряду других.

История текста Жития Варлаама Керетского может быть представлена в виде такой схемы:

Останавливаясь на вопросе о степени распространенности местных житий среди местного читающего общества, В. О. Ключевский пришел к заключению, что малое число списков таких житий в монастырских